

Сол. Швыдкой

ДНИ ТЕАТРА ФРГ В МОСКВЕ

Какой социализм лучше?

«Так как же вы относитесь к социализму: положительно или отрицательно?» — этот вопрос, который самым тщательным образом переводили Франку-Патрику Штеккелю несколько знатоков немецкого языка, не застал врасплох постановщика пьесы Хайнера Мюллера «Германия. Смерть в Берлине» в Бохумском драматическом театре. «Разумеется, я отношусь к социализму положительно, причем к социализму советского, большевистского образца», — незамедлительно ответил он. И чуть позже напомнил знаменитые слова Бертольта Брехта, выразив свою солидарность с ними: «...лучше социализм по приказу, чем никакой социализм».

Дискуссия со зрителями, которая развернулась в здании МХАТа в проезде Художественного театра, конечно же, вбирала в себя проблемы поэтики, но куда больше ее участников волновали проблемы политики. И зрителей, и создателей спектакля. И советских, и западногерманских ее участников. Как нередко бывает, именно за пределами своего отечества на глазах у иностранной публики начинаются дискуссии по вопросам, имеющим, казалось, внутреннее значение. Например, по поводу застоя в западногерманском обществе и западногерманском театре, который Штеккель хотел хотя бы отчасти преодолеть, взбудоражить своим спектаклем. Или по поводу того, как относятся к лезью в современной ФРГ. И в этом смысле советские зрители оказались не менее политически ангажированными, чем их западногерманские гости.

Мюллер и Штеккель, рассматривая самые драматические моменты в истории Германской Демократической Республики, вводя в ткань пьесы и спектакля эпизоды тысячелетней немецкой истории вплоть до года 1945-го, выбирают социализм. Ибо выбирают они между фашизмом и социализмом, между коричневым и красным цветом.

Спору нет, история не имеет сослагательного наклонения. Только в кабинетном уединении можно рассуждать о том, что было бы, если... И тем не менее все нынешнее развитие реального социализма, осмысление этого развития стремится преодолеть жесткие условия выбора между фашизмом и сталинизмом, которые поставили над собой Мюллер и Штеккель. Ибо выбор иллюзорен. Впрочем, это уже комментарии советского критика к той версии истории, которую предложили драматург из ГДР и режиссер из ФРГ.

По Мюллеру и Штеккелю, в немецкоязычном театре возможно почитание Сталина (а именно так называются две сцены пьесы: одна о Сталине в Ленинграде, другая о дне смерти «отца всех народов»), но кощунственно почитание Гитлера. Эпизод «Святое семейство» — о вершине третьего

рейха в период агонии — решен в традициях грубого площадного театра, сатирического плаката, который, вероятно, шокировал некоторых наших зрителей. Главари фашистского режима наделены всеми мыслимыми и немыслимыми пороками, начиная с детского рукоблудия и кончая людоедством.

Спектакль в принципе решен как политический плакат, в духе забытого нашей сценой агитпропа, имеющего свои мощные и не забытые в странах немецкого языка аналоги, то, что называют театром Веймарской республики. Это откровенно дидактический, грубый и назидательный одновременно стиль, который вырос на немецкой почве и повлиял на все развитие немецкоязычного театра в XX столетии. Пожалуй что, именно в этом качестве спектакль Штеккеля был важен для программы фестиваля в целом — как существенное стилевое направление театра ФРГ, характерное не только для Бохумского драматического. При том, что молодая, заново сформированная труппа из Рура еще не соединилась в подлинный ансамбль, здесь собрались неравноценные творческие индивидуальности. Думаю, что это отразилось на общем уровне того спектакля, который мне довелось увидеть в Москве. Его первая часть оказалась ритмически вялой, не заполненной внутренней актерской энергией, что для спектаклей, поставленных в подобной эстетике, весьма опасно. Общее восприятие представления заметно ухудшалось и из-за качества текста русского перевода — из него ушли поэзия и скептический интеллектуализм Мюллера, о них только можно было догадываться.

Однако вторая часть спектакля достаточно резко изменила атмосферу в зрительном зале. Судьба рабочих, не отступающих от своих идеалов, несмотря на угрозы справа и слева, несмотря на трагические испытания, выпадающие на их долю, как и судьба «голового человека на голой земле под пустыми небесами», символизирующего человечество, вызвали острое сопереживание, столь ценное в пространстве театра.

Последний эпизод постановки Штеккеля актеры играют без масок: страдания вернули им лица, обнажили их человеческую сущность. И в конце концов стало ясно, что не почитание Сталина заботит авторов «Германия. Смерть в Берлине», а почитание человека, его бесценной гуманистической сущности, без которой нет и не может быть истинного социализма. А может быть, мне просто захотелось увидеть это. Ведь не зря Оскар Уайльд предупреждал, что красота в глазах смотрящего.

М. ШВЫДКОЙ.